

Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович

**Полное собрание сочинений М.Е.
Салтыкова (Н. Щедрина)**

Том 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
М69

М69 **Михаил Евграфович С.**
Полное собрание сочинений М.Е. Салтыкова (Н. Щедрина): Том 2 / Салтыков-Щедрин
Михаил Евграфович – М.: Книга по Требованию, 2025. – 573 с.

ISBN 978-5-519-84522-9

Господа Головлевы 1872-1876; Сатиры в прозе 1860-1862

ISBN 978-5-519-84522-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

І.—Семейный судъ.

Однажды бурмистръ изъ дальней вотчины, Антонъ Васильевъ, окончивъ барынѣ Аринѣ Петровнѣ Головлевой докладъ о своей поѣздкѣ въ Москву для сбора оброковъ съ проживающихъ по паспортамъ крестьянъ и уже получивъ отъ нея разрѣшеніе идти въ людскую, вдругъ какъ-то таинственно замялся на мѣстѣ, словно бы за нимъ было еще какое-то слово и дѣло, о которомъ онъ и рѣшался, и не рѣшался доложить.

Арина Петровна, которая насквозь понимала не только малѣйшія тѣлодвиженія, но и тайные помыслы своихъ приближенныхъ людей, немедленно обезпокоилась.

— Что еще?—спросила она, смотря на бурмистра въ упоръ.

— Все-съ,—попробоваль-было отвитьнуть Антонъ Васильевъ.

— Не ври! еще есть! по глазамъ вижу!

Антонъ Васильевъ однакожъ не рѣшался отвѣтить и продолжалъ переступать съ ноги на ногу.

— Сказывай, какое еще дѣло за тобой есть?—рѣшительнымъ голосомъ прикрикнула на него Арина Петровна:—говори! не вилай хвостомъ... сумѣ переметная!

Арина Петровна любила давать прозвища людямъ, составлявшимъ ея административный и домашній персоналъ. Антона Васильева она прозвала переметной сумдой не за то, чтобъ онъ въ самомъ дѣлѣ былъ когда-нибудь замѣченъ въ предательствѣ, а за то, что былъ слабъ на языкъ. Имѣніе, которымъ онъ управлялъ, имѣло своимъ центромъ значительное торговое село, въ которомъ было большое число трактировъ. Антонъ Васильевъ любилъ попить чайку въ

трактирѣ, похвастаться всемогуществомъ своей барыни и во время этого хвастовства незамѣтнымъ образомъ провирался. А такъ какъ у Арины Петровны постоянно были въ ходу различныя тяжбы, то частенько случалось, что болтливость довѣреннаго человѣка выводила наружу барынины военныя хитрости, прежде нежели онѣ могли быть приведены въ исполненіе.

— Есть, дѣйствительно... — пробормоталъ наконецъ Антонъ Васильевъ.

— Чтѣ? чтѣ такое? — взволновалась Арина Петровна.

Какъ женщина властная и притомъ въ сильной степени одаренная творчествомъ, она въ одну минуту нарисовала себѣ картину всевозможныхъ противорѣчій и противодѣйствій и сразу такъ усвоила себѣ эту мысль, что даже поблѣднѣла и вскочила съ кресла.

— Степанъ Владимірычъ домъ-то въ Москвѣ продали... — доложилъ бурмистръ съ разстановкой.

— Ну?

— Продали-съ.

— Почему? какъ? не мни, сказывай!

— За долги... такъ нужно полагать! Извѣстно, за хорошія дѣла продавать не стануть.

— Стало быть, полиція продала? судъ?

— Стало быть, что такъ. Сказываютъ, въ восьми тысячахъ съ аукціона домъ-то пошелъ.

Арина Петровна грузно опустилась въ кресло и уставилась глазами въ окно. Въ первыя минуты извѣстіе это повидимому отняло у нея сознаніе. Еслибъ ей сказали, что Степанъ Владимірычъ кого-нибудь убилъ, что Головулевскіе мужики взбунтовались и отказываются идти на барщину, или что крѣпостное право рушилось — и тутъ она не была бы до такой степени поражена. Губы ея шевелились, глаза смотрѣли куда-то вдаль, но ничего не видѣли. Она не примѣтила даже, что въ это самое время дѣвчонка Дуняшка ринулась-было сразбѣга мимо окна, закрывая что-то передникомъ, и вдругъ, завидѣвъ барыню, на мгновеніе закружилась на одномъ мѣстѣ и тихимъ шагомъ поворотила назадъ (въ другое время этотъ поступокъ вызвалъ бы цѣлое слѣдствіе). Наконецъ она однако опамятовалась и произнесла:

— Какова потѣха!

Послѣ чего опять послѣдовало нѣсколько минутъ грозowego молчанія.

— Такъ ты говоришь, полиція за восемь тысячъ домъ-то продала?—переспросила она.

— Такъ точно.

— Это—родительское-то благословеніе!.. Хорошъ... мерзавецъ!

Арина Петровна чувствовала, что въ виду полученнаго извѣстія ей необходимо принять немедленное рѣшеніе, но ничего придумать не могла, потому что мысли ея путались въ совершенно противоположныхъ направленіяхъ. Съ одной стороны думалось: „Полиція продала! вѣдь не въ одну же минуту она продала! чай, опись была, оцѣнка, вызовы къ торгамъ? Продала за восемь тысячъ, тогда какъ она за этотъ самый домъ, два года тому назадъ, собственными руками двѣнадцать тысячъ, какъ одну копѣйку, выложила! Кабы знать да вѣдать, можно бы и самой за восемь-то тысячъ съ аукціона пріобрѣсти!“ Съ другой стороны приходило на мысль и то: „Полиція за восемь тысячъ продала! Это—родительское-то благословеніе! Мерзавецъ! за восемь тысячъ родительское благословеніе спустилъ!“

— Отъ кого слышалъ?—спросила наконецъ она, окончательно остановившись на мысли, что домъ уже проданъ и что, слѣдовательно, надежда пріобрѣсти его за дешевую цѣну утрачена для нея навсегда.

— Иванъ Михайловъ, трактирщикъ, сказывалъ.

— А почему онъ въ-время меня не предупредилъ?

— Поопѣсился, стало быть.

— Поопѣсился! вотъ я ему покажу: „поопѣсился“! Вызвать его изъ Москвы, и какъ явится—сейчасъ же въ рекрутское присутствіе и лобъ забрить! „Поопѣсился“!

Хотя крѣпостное право было уже на исходѣ, но еще существовало. Не разъ случалось Антону Васильеву выслушивать отъ барыни самыя своеобразныя приказанія, но настоящее ея рѣшеніе было до того неожиданно, что даже и ему сдѣлалось не совѣтъ ловко. Прозвище „сумѣ переметная“ невольно ему при этомъ вспомнилось. Иванъ Михайловъ былъ мужикъ обстоятельный, объ которомъ и въ голову не могло придти, чтобъ надъ нимъ могла стрястись какая-нибудь бѣда. Сверхъ того, это былъ его пріятель и кумъ—и вдругъ его въ солдаты, ради того только, что онъ, Антонъ Васильевъ, какъ сумѣ переметная, не сдумѣлъ языкъ за зубами попридержать.

— Простите... Ивана-то Михайлыча!—застушился-было онъ.

— Ступай... потатчикъ!—прикрикнула на него Арина Петровна, но такимъ голосомъ, что онъ и не подумалъ упорствовать въ дальнѣйшей защитѣ Ивана Михайлова.

Но прежде нежели продолжать мой рассказъ, я попрошу читателя поближе познакомиться съ Ариной Петровной Головлевой и семейнымъ ея положеніемъ.

Арина Петровна—женщина лѣтъ шестидесяти, но еще бодрая и привыкшая жить на всей своей волѣ. Держитъ она себя грозно; единолично и безконтрольно управляетъ обширнымъ Головлевымъ имѣніемъ, живетъ уединенно, расчетливо, почти скупю, съ сосѣдями дружбы не водить, мѣстнымъ властямъ dobroхотствуетъ, а отъ дѣтей требуетъ, чтобъ они были въ такомъ у нея послушаніи, чтобы при каждомъ поступкѣ спрашивали себя: что-то объ этомъ маменька скажетъ? Вообще имѣетъ характеръ самостоятельный, непреклонный и отчасти строитивый, чему впрочемъ не мало способствуетъ и то, что во всемъ Головлевскомъ семействѣ нѣтъ ни одного человѣка, со стороны котораго она могла бы встрѣтить себѣ противодѣйствіе. Мужъ у нея—человѣкъ легкомысленный и пьяненькій (Арина Петровна охотно говоритъ объ себѣ, что она—ни вдова, ни мужняя жена); дѣти частью служатъ въ Петербургѣ, частью—пошли въ отца и, въ качествѣ „постылыхъ“, не допускаются ни до какихъ семейныхъ дѣлъ. При этихъ условіяхъ Арина Петровна рано почувствовала себя одинокою, такъ что, говоря по правдѣ, даже отъ семейной жизни совсѣмъ отвыкла, хотя слово „семья“ не сходило съ ея языка и, по наружности, всѣми ея дѣйствіями исключительно руководятъ непрестанныя заботы объ устройствѣ семейныхъ дѣлъ.

Глава семейства, Владиміръ Михайлычъ Головлевъ, еще смолоду былъ извѣстенъ своимъ безалабернымъ и озорнымъ характеромъ, и для Арины Петровны, всегда отличавшейся серьезностью и дѣловитостью, никогда ничего симпатичнаго не представлялъ. Онъ велъ жизнь праздную и бездѣльную, чаще всего запирался у себя въ кабинетѣ, подражалъ пѣнію скворцовъ, пѣтуховъ и т. д. и занимался сочиненіемъ такъ-называемыхъ „вольныхъ стиховъ“. Въ минуты откровенныхъ изліяній онъ хвастался тѣмъ, что былъ другомъ Баркова и что послѣдній, будто бы, даже благословилъ его на одрѣ

смерти. Арина Петровна сразу не залюбила стиховъ своего мужа, называла ихъ паскудствомъ и паясничаньемъ, а такъ какъ Владиміръ Михайлычъ собственно для того и женился, чтобы имѣть всегда подъ рукой слушателя для своихъ стиховъ, то понятно, что размолвки не заставили долго ждать себя. Постепенно разростаясь и ожесточаясь, размолвки эти кончились, со стороны жены, полнымъ и презрительнымъ равнодушіемъ къ мужу-шуту, со стороны мужа — искреннею ненавистью къ женѣ, ненавистью, въ которую однаковъ входила значительная доля трусости. Мужъ называлъ жену „вѣдьмою“ и „чортомъ“, жена называла мужа — „вѣтряною мельницей“ и „безструнной балалайкой“. Находясь въ такихъ отношеніяхъ, они пользовались совмѣстною жизнью въ продолженіе слишкомъ сорока лѣтъ, и никогда ни тому, ни другой не приходило въ голову, чтобы подобная жизнь заключала въ себѣ что-либо противоестественное. Съ теченіемъ времени озорливость Владиміра Михайлыча не уменьшилась, но даже пріобрѣла еще болѣе злостный характеръ. Независимо отъ стихотворныхъ упражненій въ Барковскомъ духѣ, онъ началъ попивать и охотно подкарауливалъ въ корридорѣ горничныхъ дѣвокъ. Сначала Арина Петровна отнеслась къ этому новому занятію своего мужа брезгливо и даже съ волненіемъ (въ которомъ однаковъ больше играла роль привычка властности, нежели прямая ревность), но потомъ махнула рукой и наблюдала только за тѣмъ, чтобъ дѣвки-поганки не носили барину ерофеича. Съ тѣхъ поръ, сказавши себѣ разъ навсегда, что мужъ ей — не товарищъ, она все вниманіе свое устремила исключительно на одинъ предметъ: на округленіе имѣнія, и дѣйствительно, въ теченіе сорокалѣтней супружеской жизни, успѣла удешевить свое состояніе. Съ изумительнымъ терпѣніемъ и зоркостью подкарауливала она дальнія и ближнія деревни, разузнавала по секрету объ отношеніяхъ ихъ владѣльцевъ къ опекунскому совѣту и всегда какъ снѣгъ на голову являлась на аукціонахъ. Въ круговоротѣ этой фантастической погони за благопріобрѣтеніемъ Владиміръ Михайлычъ все дальше и дальше уходилъ на задній планъ, а наконецъ и совсѣмъ одичалъ. Въ минуту, когда начинается этотъ рассказъ, это былъ уже дряхлый старикъ, который почти не оставлялъ постели, а ежели изрѣдка и выходилъ изъ спальни, то единственно для того, чтобъ просунуть голову въ полурастворенную дверь жениной комнаты, крикнуть: „чортъ!“ — и опять скрыться.

Немного болѣе счастлива была Арина Петровна и въ дѣтяхъ. У нея была слишкомъ независимая, такъ сказать, холостая натура, чтобы она могла видѣть въ дѣтяхъ что-нибудь, кромѣ лишней обузы. Она только тогда дышала свободно, когда была одна со своими сче-тами и хозяйственными предпріятіями, когда никто не мѣшалъ ей дѣловымъ разговорамъ съ бурмистрами, старостами, ключницами и т. д. Въ ея глазахъ дѣти были одною изъ тѣхъ фаталистическихъ жизненныхъ обстановокъ, противъ совокупности которыхъ она не считала себя въ правѣ протестовать, но которыя, тѣмъ не менѣе, не затрогивали ни одной струны ея внутреннего существа, всецѣло отдавашагося безчисленнымъ подробностямъ жизнестроительства. Дѣтей было четверо: три сына и дочь. О саршемъ сынѣ и объ дочери она даже говорить не любила; къ младшему сыну была болѣе или менѣе равнодушна и только средняго, Порфишу, не то чтобы любила, а словно побаивалась.

Степанъ Владимірычъ, старшій сынъ, о которомъ преимуще-ственно идетъ рѣчь въ настоящемъ разсказѣ, слылъ въ семействѣ подъ именемъ Степки-балбеса и Степки-озорника. Онъ очень рано попалъ въ число „постылыхъ“ и съ дѣтскихъ лѣтъ игралъ въ домѣ роль не то парія, не то шута. Къ несчастію, это былъ даровитый малый, слишкомъ охотно и быстро воспринимавшій впечатлѣнія, которыя вырабатывала окружающая среда. Отъ отца онъ перенялъ неистощи-мую проказливость, отъ матери—способность быстро угадывать сла-бую стороны людей. Благодаря первому качеству, онъ скоро сдѣлался любимцемъ отца, что еще больше усилило нелюбовь къ нему матери. Часто, во время отлучекъ Арины Петровны по хозяйству, отецъ и подростокъ-сынъ удалялись въ кабинетъ, украшенный портретомъ Баркова, читали стихи вольнаго содержанія и судачили, причемъ въ особенности доставалось „вѣдьмѣ“, т.-е. Аринѣ Петровнѣ. Но „вѣдьма“ словно чутьемъ угадывала ихъ занятія; неслышно подтѣз-жала она къ крыльцу, подходила на цыпочкахъ къ кабинетной двери и подслушивала веселыя рѣчи. Затѣмъ слѣдовало немедленное и же-стокое избіеніе Степки-балбеса. Но Степка не унимался; онъ былъ нечувствителенъ ни къ побоямъ, ни къ увѣщаніямъ и черезъ полчаса опять принимался куралесить. То косынку у дѣвки Анютки изрѣ-жетъ въ куски, то сонной Васюткѣ мухъ въ ротъ напустить, то за-берется на кухню и стянетъ тамъ пирогъ (Арина Петровна, изъ эконо-

номіи, держала дѣтей впроголодь), который, впрочемъ, тутъ же раздѣлитъ съ братьями.

— Убить тебя надо! — постоянно твердила ему Арина Петровна: — убью — и не отвѣчу! И царь меня не накажетъ за это!

Такое постоянное приниженіе, встрѣчая почву мягкую, легко забывающую, не прошло даромъ. Оно имѣло въ результатъ не озлобленіе, не протестъ, а образовало характеръ рабскій, покладливый до буфонства, не знающій чувства мѣры и лишенный всякой предусмотрительности. Такія личности охотно поддаются всякому вліянію и могутъ сдѣлаться чѣмъ угодно: пропойцами, попрошайками, шутами и даже преступниками.

Двадцати лѣтъ Степанъ Головлевъ кончилъ курсъ въ одной изъ московскихъ гимназій и поступилъ въ университетъ. Но студенчество его было горькое. Во-первыхъ, мать давала ему денегъ ровно столько, сколько требовалось, чтобъ не пропасть съ голода; во-вторыхъ, въ немъ не оказывалось ни малѣйшаго позыва къ труду, а взамѣнъ того гнѣздилась проклятая талантливость, выражавшаяся преимущественно въ способности къ передразниванью; въ-третьихъ, онъ постоянно страдалъ потребностью общества и ни на минуту не могъ оставаться наединѣ съ самимъ собою. Поэтому онъ остановился на легкой роли приживальщика и *pique-assiette'a* и, благодаря своей податливости на всякую шутку, скоро сдѣлался фаворитомъ богатенькихъ студентовъ. Но богатенькіе, допуская его въ свою среду, все-таки разумѣли, что онъ имъ не пара, что онъ только шутъ, и въ этомъ именно смыслъ установилась его репутація. Ставши однажды на эту почву, онъ естественно тяготѣлъ все ниже и ниже, такъ что къ концу четвертаго курса вышутился окончательно. Тѣмъ не менѣе, благодаря способности быстро схватывать и запоминать слышанное, онъ выдержалъ экзаменъ съ успѣхомъ и получилъ степень кандидата.

Когда онъ явился къ матери съ дипломомъ, Арина Петровна только пожала плечами и промолвила: „дивлюсь!“ Затѣмъ, продержавъ съ мѣсяцъ въ деревнѣ, отправила его въ Петербургъ, назначивъ на прожитокъ по сту рублей ассигнаціями въ мѣсяцъ. Начались скитанія по департаментамъ и канцеляріямъ. Протекцій у него не было, охоты пробить дорогу личнымъ трудомъ — никакой. Праздная мысль молодого человѣка до того отвыкла сосредоточиваться, что даже бюрократическія испытанія, въ родѣ докладныхъ записокъ и

экстрактовъ изъ дѣлъ, оказывались для нея непосильными. Четыре года бился Головлевъ въ Петербургѣ и наконецъ долженъ былъ сказать себѣ, что надежда устроиться когда-нибудь выше канцелярскаго чиновника для него не существуетъ. Въ отвѣтъ на его сѣтованія Арина Петровна написала грозное письмо, начинавшееся словами: „я раньше въ семь была увѣрена“ и кончавшееся приказаніемъ явиться въ Москву. Тамъ, въ совѣтѣ излюбленныхъ крестьянъ, было рѣшено: опредѣлить Степку-балбеса въ надворный судъ, поручивъ его надзору подъячаго, который изстари ходатайствовалъ по Головлевскимъ дѣламъ. Чтѣ дѣлалъ и какъ велъ себя Степанъ Владимірычъ въ надворномъ судѣ—неизвѣстно, но черезъ три года его ужъ тамъ не было. Тогда Арина Петровна рѣшилась на крайнюю мѣру: она „выбросила сыну кусокъ“, который впрочемъ въ то же время долженъ былъ изображать собою и „родительское благословеніе“. Кусокъ этотъ состоялъ изъ дома въ Москвѣ, за который Арина Петровна заплатила двѣнадцать тысячъ рублей.

Въ первый разъ въ жизни Степанъ Головлевъ вздохнулъ свободно. Домъ обѣщалъ давать тысячу рублей серебромъ дохода, и сравнительно съ прежнимъ эта сумма представлялась ему чѣмъ-то въ родѣ заправскаго благосостоянія. Онъ съ увлеченіемъ поцѣловалъ у маменьки ручку („то-то же, смотри у меня, балбесъ! не жди больше ничего!“ молвила при этомъ Арина Петровна) и обѣщалъ оправдать оказанную ему милость. Но, увы! онъ такъ мало привыкъ обращаться съ деньгами, такъ нелѣпо понималъ размѣры дѣйствительной жизни, что сказочный годовой тысячи рублей достало очень не надолго. Въ какія-нибудь четыре-пять лѣтъ онъ прогорѣлъ окончательно и былъ радъ-радѣхонекъ поступить, въ качествѣ замѣстителя, въ ополченіе, которое въ это время формировалось. Ополченіе впрочемъ дошло только до Харькова, какъ былъ заключенъ миръ, и Головлевъ опять вернулся въ Москву. Его домъ былъ уже въ это время проданъ. На немъ былъ ополченскій мундиръ, довольно однакожъ потертый, на ногахъ—сапоги на-выпускъ и въ карманѣ—сто рублей денегъ. Съ этимъ капиталомъ онъ поднялся-было на спекуляцію, то-есть сталъ играть въ карты, и недолгѣ проигралъ все. Тогда онъ принялся ходить по зажиточнымъ крестьянамъ матери, жившимъ въ Москвѣ своимъ хозяйствомъ; у кого обѣдалъ, у кого выпрашивалъ четверку табаку, у кого по мелочи занималъ. Но наконецъ наступила минута,

когда онъ, такъ сказать, очутился лицомъ къ лицу съ глухой стѣной. Ему было уже подѣ-сорокъ, и онъ вынужденъ былъ сознаться, что дальнѣйшее бродичее существованіе для него не по силамъ. Оставался одинъ путь—въ Головлево.

Послѣ Степана Владимірыча, старшимъ членомъ Головлевскаго семейства была дочь, Анна Владиміровна, о которой Арина Петровна тоже не любила говорить.

Дѣло въ томъ, что на Аннушку Арина Петровна имѣла виды, а Аннушка не только не оправдала ея надеждъ, но вмѣсто того на весь уѣздъ учинила скандалъ. Когда дочь вышла изъ института, Арина Петровна поселила ее въ деревнѣ, въ чайныи сдѣлать изъ нея дарового домашняго секретаря и бухгалтера, а вмѣсто того Аннушка, въ одну прекрасную ночь, бѣжала изъ Головлева съ корнетомъ Улановымъ и повѣнчалась съ нимъ.

— Такъ, безъ родительскаго благословенія, какъ собаки, и повѣнчались!—сѣтовала по этому случаю Арина Петровна.—Да хорошо еще, что кругомъ налоя-то муженѣкъ обвелъ! Другой бы попользовался—да и былъ таковъ! Ищи его потомъ да свищи!

И съ дочерью Арина Петровна поступила столь же рѣшительно, какъ и съ постылымъ сыномъ: взяла и „выбросила ей кусокъ“. Она отдѣлила ей капиталъ въ пять тысячъ и деревнюшку въ тридцать душъ съ упалдю усадьбой, въ которой изъ всѣхъ оконъ дуло и не было ни одной живой половицы. Года черезъ два молодые капиталъ прожили и корнетъ неизвѣстно куда бѣжалъ, оставивъ Анну Владиміровну съ двумя дочерьми-близнецами: Аннинькой и Любинькой. Затѣмъ и сама Анна Владиміровна, черезъ три мѣсяца, скончалась, и Арина Петровна волей-неволей должна была пріютить круглыхъ сиротъ у себя,—что она и исполнила, помѣстивъ малютокъ во флигелѣ и приставивъ къ нимъ кривую старуху Палашку.

— У Бога милостей много,—говорила она при этомъ:—сиротки хлѣба не Богъ знаетъ что сѣдятъ, а мнѣ на старости лѣтъ—утѣшеніе! Одну дочку Богъ взялъ—двухъ далъ!

И въ то же время писала къ сыну Порфирію Владимірычу: „какъ жила твоя сестрица безпутно, такъ и умерла, покинувъ мнѣ на шею своихъ двухъ щенковъ“...

Вообще, какъ ни циничнымъ можетъ показаться это замѣчаніе, но справедливость требуетъ сознаться, что оба эти случая, по по-

воду которыхъ произошло „выбрасываніе кусковъ“, не только не произвели ущерба въ финансахъ Арины Петровны, но косвеннымъ образомъ даже способствовали округленію Головлевскаго имѣнія, сокращая число пайщиковъ въ немъ. Ибо Арина Петровна была женщина строгихъ правилъ и, разъ „выбросивши кусокъ“, уже считала поконченными всѣ свои обязанности относительно постылыхъ дѣтей. Даже при мысли о сиротахъ-внучкахъ ей никогда не представлялось, что современемъ придется что-нибудь удѣлить имъ. Она старалась только какъ можно больше выжать изъ маленькаго имѣнія, отдѣленнаго покойной Аннѣ Владиміровнѣ, и откладывать выжатое въ опекунскій совѣтъ. Причемъ говорила:

— Вотъ и для сиротъ денежки прикапываю, а что онѣ прокормленіемъ да уходомъ стоять—ничего ужъ съ нихъ не беру! За мою хлѣбъ-соль, видно, Богъ мнѣ заплатитъ!

Наконецъ, младшія дѣти, Порфирій и Павелъ Владимірычи, находились на службѣ въ Петербургѣ: первый—по гражданской части, второй—по военной. Порфирій былъ женатъ. Павелъ—холостой.

Порфирій Владимірычъ извѣстенъ былъ въ семействѣ подъ тремя именами: Гудушки, кровопивушки и откровеннаго мальчика, каковыя прозвища еще въ дѣтствѣ были ему даны Степкой-балбесомъ. Съ младенческихъ лѣтъ любилъ онъ приласкаться къ милому другу маменькѣ, украдкой поцѣловать ее въ плечико, а иногда и слегка понаушничать. Неслышно отворить, бывало, дверь маменькиной комнаты, неслышно прокрадется въ уголокъ, сядетъ и, словно очарованный, не сводитъ глазъ съ маменьки, покуда она пишетъ или возится со счетами. Но Арина Петровна уже и тогда съ какою-то подозрительностью относилась къ этимъ сыновнимъ заискиваньямъ. И тогда этотъ пристально-устремленный на нее взглядъ казался ей загадочнымъ, и тогда она не могла опредѣлить себѣ, что именно онъ исходитъ изъ себя: ядъ или сыновнюю почтительность.

— И сама понять не могу, что у него за глаза такіе,—разсуждала она иногда сама съ собою:—взглянетъ—ну, словно вотъ петлю закидываетъ. Такъ вотъ и поливаетъ ядомъ, такъ и подмащиваетъ!

И припомнились ей при этомъ многозначительныя подробности того времени, когда она еще была „тяжела“ Порфишей. Жилъ